

**ЗНАК
КАЧЕСТВА**

.....

современная
русская
литература

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЗНАК КАЧЕСТВА»**

.....

ОЛЬГА ИСАЕВА

«АНТОШКА ПЕТРОВА, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

«МОЙ ПАПА – ШТИРЛИЦ»

«ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ.
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ МЭДИСОН-АВЕНЮ»

•

ВСЕВОЛОД БЕНИГСЕН

«ЧАКРА ФРОЛОВА»

«ЗАКОН ШРУДЕЛЯ»

•

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВ

«У НАС В САДУ ЖУЛИКИ»

•

ИВАН ЗОРИН

«В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ»

•

СЕРГЕЙ ЕСИН

«ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА
ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА»

•

МАРИНА ЙОРГЕНСЕН

«СЧАСТЬЕ КАК СПОСОБ
ПУТЕШЕСТВИЯ»

•

АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ

КРУК

АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ

.....

КРУК

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б48

Оформление серии *П. Петрова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины Ван Гога «Ночное кафе в Арле».

Бердичевская, Анна.

Б48 КРУК : [роман] / Анна Бердичевская. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 512 с. — (Знак качества).

ISBN 978-5-699-84650-4

«КРУК» — роман в некотором смысле исторический, но совсем о не-
давнем, только что миновавшем времени — о начале тысячелетия. В мо-
сковском клубе под названием «Крук» встречаются пять молодых людей и
старик Вольф — легендарная личность, питерский поэт, учитель Битова,
Довлатова и Бродского. Эта странная компания практически не расстает-
ся на протяжении всего повествования. Их союз длится недолго, но за это
время внутри и вокруг их тесного, внезапно возникшего круга случаются
любовь, смерть, разлука. «Крук» становится для них микрокосмом — здесь
герои проживают целую жизнь, провожая минувшее и встречая начало
нового века и новой судьбы. Герои расстаются, но понимают, что останут-
ся друг в друге навсегда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84650-4

© Бердичевская А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Памяти Сергея Вольфа

*I do not know what I may appear to the world; but to myself
I seem to have been only like a boy playing on the sea-shore,
and diverting myself in now and then finding a smoother
pebble or a prettier shell than ordinary, whilst the great
ocean of truth lay all undiscovered before me.*

*Isaac Newton*¹

¹ Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что иногда отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красивую ракушку, в то время как великий океан истины расстилается передо мной (*Исаак Ньютон*).

Часть первая

ЧЕЛОВЕК ПОПАЛ В КРУК

Определился круг знакомых,
Загадочный по сути круг...

Виктор Болотов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ

В ночь на 10 октября 2002 года в Москве, неподалеку от Чистых прудов, в подвале Потаповского переулка, в «Круглосуточном клубе», короче, в *Круке* сидели пять человек, четыре господина и дама. Дама была совсем девчонка и практически отсутствовала. Не ела и не выпивала, почти все время спала, уронив голову на зеленый стол. Но изредка из охапки рассыпавшихся темных кудрей выглядывал ее светлый и зоркий глаз, то левый, то правый, в зависимости от того, какой щекой она пристраивалась к шершавой столешнице. Имя у нее было правильное — Соня. Господ звали Чанов, Блюхер, Давид Дадашидзе (Дада) и Паша Асланян.

Самым пожилым был Чанов. Ему 7 октября исполнилось 29, и он как начал праздновать свой день рождения, так и сидел тут, в подвале, дни и ночи, не меняя стола. Его усидчивость не объяснялась запоем. Он был человек скорее непьющий, хотя в первую ночь после дня рождения пил как пьющий. Но и следующим утром ему не захотелось домой. И следующим. Потому что именно дома хандра вселилась в него.

Хандра в канун дня рождения. Чанов знал, что так и положено, теорией уйма, и собственная практика подтверждала. После дня рождения должно полегчать, просто надо держаться на людях. Однако день рождения миновал, а все не легчало, и Чанов не покидал Крук. Будто пересиживал ненастье или ждал лошадей на почтовой станции. Он то подмерзал в колючем своем свитере, то в нем же парился, пил чай с молоком и без сахара, иногда выкуривал полсигареты, каждые семь-восемь часов независимо от времени суток заказывал борщ, или грибной супчик, или горшок русского жаркого. Он теперь здесь *жил*, настолько жил, что название клуба превратилось в название места — как Истра или Коломна, просто Крук... Изредка Чанов поднимался, потягивался, удалялся в мужскую комнату, полоскал зубы и горло, умывался, фыркая холодной водой, чувствуя под рукой матереющую щетину, и возвращался за стол. Изредка он заказывал рюмку водки или чашку кофе. И практически не спал.

Званные гости Чанова после первого вечера разбежались, новые компании в Круке исчезали как бы навек, а то и вправду навек. А эти четверо, незванные, завалились в Крук в день рождения героя в полночь, а к утру оказались последними, кто оставался с Чановым. К полудню и они разбрелись. Чанов остался один. Он дремал, откинувшись на спинку стула, вытянув ноги, обняв себя как последнюю свою и безнадежную любовь, или впадал в забытье, уронив голову на стол, как та лохматая Соня. Но, странное дело, эти его гости, новенькие и незванные — они вернулись. Были они, возможно, как-то связаны, переговаривались о чем-то понятном друг

другу. Чанов не вникал. И они, бог их знает, на именинника как бы уже и не смотрели, потому что насмотрелись. Но уходя, возвращались. К нему.

На третью ночь в помутившейся от недосыпа чановской голове нечто произошло. Компания сложилась в картинку. Картинка была видна словно бы сверху, чуть со стороны, как видят жизнь после жизни. Зеленый прямоугольник стола плавал во мраке, вокруг неподвижные гости. «Карты!» — разглядел Чанов. И голос в пустой голове грянул негромкий, но внятный:

– А в ненастные дни соби́рались они часто... гнули – бог их прости! – от пятидесяти на сто... и выигрывали, и отписывали мелом... так в ненастные дни занимались они делом...¹

«Потому что бездельники», — подумал-таки Чанов, объединив сразу и тех, кто гнул от пятидесяти на сто, и себя со своими гостями. В центре картинки он обнаружил круглую лепешечку сургуча. Зеленая столешница преобразилась в конверт плотной бумаги. «Что в конверте?» — задумался не пьяный, не трезвый, не спавший, состарившийся на год, с онемевшими ногами новорожденный. Где-то по картинке наверняка бегают курсор, стоит щелкнуть «мышкой», и конверт раскроется. А «мышка» — у кого?.. «Да у меня, у меня!» — раздраженно сказал Чанов, даже не заметив, вслух или про себя. На конверте зажглась важная надпись:

человек попал в крук

Эта надпись (даже ошибки в ней) объяснила буквально все... но что именно, Чанов тут же забыл. А надпись

¹ Эпиграф к «Пиковой даме» А. С. Пушкина.

погасла. Он понял, что не поспевает за игрой. И сказал игре *стоп*. Вгляделся в гостей, действительно оказавшихся плоскими, но подробно прорисованными картами. У каждой была своя масть. Что за штука — *масть*?.. Внешность? Кодекс правил? Судьба? Нет... А также не возраст, не раса, не род занятий. Бубны... трефы... самый румяный — бубновый валет... «Все они молоды, — отметил Чанов. — Я нет. Я не молод». И тут же с горечью, но и со злорадством подумал: «Зато у меня мышка». Однако стоило лишь вспомнить о ней, лишь вознамериться отыскать, чтоб пошевелить, а то и щелкнуть ею хотя бы вон того бубнового валета — как карты и конверт, вся так удачно сложившаяся картинка рассыпались вмиг с шуршащим треском.

Но гости остались.

Хозяин игры очнулся, нервно зевнул. Или он пообещал им чего? Нет, не обещал, — подумал твердо. Но, вспомнив выпитое, засомневался. Мог! Хотя бы в первую ночь, когда особенно был печален и свободен. Вот именно что свободен, в день своего рождения он ни в ком не нуждался! А в ночь и подавно. Он выпивал себе и все говорил, говорил... Неизвестно кому, но получалось — вот этим, молодым, которых не выбирал. Однако что-то свое вкладывал же он в их нежные, излишне оттопыренные и заостренные, как у эльфов, уши... Или не свое?.. Он чувствовал, что речь его летела, как леска с блесной, без всяких видимых затруднений, на всю катушку, Чанов не выковыривал слова из собственной пустотелой головы, а как бы со свистом забрасывал спиннинг в мерцающий сумрак подвала. И слушатели каждое его слово, именно как рыбку, провожали глазами.

Он говорил об осени в городе и в деревне; говорил о зиме в деревне и в городе; о следах на снегу, на мокром песке и на вязкой глине; о том, как все превращается в текст. О тексте как преображении... И снова о глине и глиняных табличках вавилонян, о бересте, о пергаменте; о ткани, о суровых нитях основы, о ритме; о языке первоисточника, в частности русском, но и о латыни, которую в университете знал на твердую четверку, да года три как позабыл, только вкус во рту остался. Он говорил о совпадениях как бы случайных. Об именах; о псевдонимах; об авторстве. О заимствовании и плагиате. О гениях. Не велел путать гения и пророка. Говорил о зависти. О высокомерии (т. е. о высокой мере по отношению ко всем, но в первую очередь к себе — не путать с чванством!). Он говорил о славе, но особенно яростно об удаче и об успехе. О движении, о времени, о теории относительности с исторической точки зрения; об участниках событий и о наблюдателях. О кино. О спецэффектах. О новых компьютерных играх, о старых карточных играх и просто о детских играх. О победе как о беде; о соблазне и грехе; об искуплении; об ангелах; о падших ангелах и о женщинах падших. О воде; о безводных пустынях, об Африке; о лишнем и необходимом; о тихих жирафах, о том, что у жирафов с их изумительной шеей, в бесконечном их горле — не нашлось места связкам, нет у жирафов гортани, и голоса нет... Он говорил о долге, говорил о порядке, но и о хаосе; о хаосе — если смотреть изнутри, из хаоса; и зачем-то приплел Птолемея с Коперником, причем утверждал со страстью, что один другого не лучше... но и не хуже! Он говорил о форме и содержании — что это почти одно и то же,

как энергия и масса; но в этом «почти» прячется бездна. И вообще, то есть — всегда! — в «почти» прячется бездна. Потому что даже малая часть бесконечности — бесконечность, такие дела... Он говорил о сущем на земле, если в нем не участвуешь, если ты наблюдаешь как бы со стороны, издали. О столпниках и молчальниках говорил. О предназначении. О буддизме и конфуцианстве. И что они сошлись, не сливаясь... как Арагви и Кура!.. И вдруг поразмышлял о китайцах, которых живьем хорошо знал одного — из двух миллиардов... или уже из трех?.. О японцах, которых разве что читал по-русски или видел в кино... или в ящике... или в Москве, в музеях, где они, несмотря на запреты, сверкали блицами инопланетных фотокамер — *собирали свидетельства*. Он говорил о странной человеческой страсти собирательства и фиксации, о коллекционировании. И, опять-таки, он говорил о цивилизации, о кинематографе — «волшебном фонаре», — каким тот был когда-то, чем хотел стать и чем стал теперь. Он спрашивал окружающих — что такое теперь, надолго ли оно?.. И демонстрировал на наглядных примерах, как *теперь* внезапно заканчивалось в разных частях планеты и в разные исторические эпохи. Реальность совершала скачок. Возможно, и в этот миг — совершает! А мы и не догадываемся... Он объявил внезапно, что документальные черно-белые фильмы и есть настоящая литература, что они не более и не менее чем текст, как отпечатки птичьих лапок на снегу... скоро фильмы и начнут называть текст... но — совершенно напрасно!.. И он объяснял — почему: потому-то настоящий текст не содержит времени, и его нельзя перемотать задом наперед... И дальше говорил...

Слова, слова, слова. Каждый из четверых его незваных гостей не обязательно слушал, не всегда догонял, но будто ждал чего.

Чанов не говорил о любви, о смерти, о Боге, и то хорошо.

Но даже смутное воспоминание о сказанном с седьмого по девятое октября — в ночь на десятое вызвало в нем омерзение. От этого публичного сблева ему даже полегчало, но воспоминание было унижительным до дурноты.

Ему хотелось, как в детстве, сказать: *это не я!*. Он неведомо как и чего наглотался за двадцать девять лет, а сейчас все сразу и вернул... осталось отвратительное чувство стыда... Как у маленького Алеши из сказки «Черная курица¹», бедный этот мальчик бойко тараторил на уроках домашние задания, которых не учил вовсе. За что и был наказан срамом, поркой и угрызениями совести...

Ну ладно, его вывернуло. Но ведь *сам-то* должен был остаться? Однако *кому* — должен?.. И кто этот — *сам*?

Вот что получилось: Кузьма Чанов в подвале Крука для себя самого оказался пустым местом.

Но эти-то четверо — чего на него так вылупились, то есть наоборот, совсем не глядят?! И *сидят тут*? Что за дела?! Чанов, спасаясь, попытался взглянуть на дело

¹ «Черная курица, или Подземные жители» — волшебная повесть для детей Антония Погорельского (Алексея Алексеевича Перовского), написанная в 1829 году. Первое авторское произведение литературы для детей на русском языке.

со стороны, подумать о себе в третьем лице. Вот же он, существует: некто Чанов, маркер, зрелый командир космического корабля в окружении неопытного экипажа, роковой соблазнитель юных душ... ловец чело-
 веков... фффу-у-у... «Нет. Просто какой-то пожилой хрен, почему-то Чанов...» — так сам себе сказал он.

Действительно, Чанов пожил и к двадцати девяти годам стал заурядной экзотикой, одним из каждых двадцати трех на тысячу, если верить статистике «Форбса» (а может, двухсот тридцати на тысячу?.. какая разница!), жителей свободной Европы. Он стал — *фантье*. Господином, создавшим капиталец да и сбывшим его с рук в какой-то *перпетуум-мобиле*, во временный вечный двигатель, в довольно надежное, хотя и в чужое, неинтересное место. Теоретически до конца лет он мог теперь стричь и стричь с капиталца купоны. Не такие, чтоб... но и не жалкие. Достаточные. Вполне достаточные, чтобы не влипнуть, но жить. Однако этот объективный успех, эта окончательно достигнутая жизнь перестала Чанова занимать. Дело он, какое-никакое, сделал... но, что ли, предназначения не выполнил. Гордость до сих пор не входила в число грехов или добродетелей Чанова. Он не настаивал на предназначении. Его вроде бы устраивала праздность... Но чувство — не размышление, чувство не передумать и не отменить, потому что оно независимая и реальная реальность. А чувство на четвертые сутки возникло у именинника такое: за зеленым столом Крука ему сдали три, нет, четыре, если считать сонную Соню, новенькие карты из свежей колоды... Или все-таки это *он сам* что-то кому-то сдал?

КТО ЭТОТ «Я»?

На третьи сутки пустоту в Чанове что-то принялось потихоньку замещать, вытесняя и отвращение к себе. Он почувствовал, каким, можно сказать, историческим делом здесь в Круке занимается. Пространство и время в подвале клубилось безразмерное. И скажешь — КРУК — будто орех зубами расколешь... Вечность напролет сидишь здесь, как в театре, и видишь разных незнакомых людей, они движутся по своему загадочному кругу, но в конце концов, как актеры, выходят на сцену из левой кулисы, играют свою маленькую роль *в твоей жизни* и уплывают в правую кулису. А некоторые люди, которых ты, впрочем, тоже не знаешь, вдруг выпрыгивают со сцены как бы прямо к тебе, в зрительный зал, и ты — не против. То есть тебе любопытно. А ведь это значит, что ты — есть.

Ты сидишь, общаешься с кем Бог послал, и... и, одновременно, словно историческое кино про себя, тоже малознакомого, смотришь. Это кино — твоя память и случайные мысли, они одновременно крутятся в твоей голове. Ты отвлекаешься слегка на удовлетворение незамысловатых потребностей. Не только желудок и мочевой пузырь, но и голова твоя время от времени чего-то все-таки *уже сама хочет* — рассмотреть чью-то физиономию или услышать голос сидящего за твоим столом совсем новенького человека. И вот еще вдруг — в гортани просто судорога какая-то, и ты задыхаешься, но гортань, будто освободившись от тебя, начинает что-то такое немислимое озвучивать. И остановиться не может! Пока не пересохнет. Да кто она такая, что за штука такая, вовсе не обяза-